

М.А. Розадеева

Памяти В.А. Жуковского

Жуковский умер 11 апреля 1852 в Баден-Бадене, а 29 июля его тело было перезахоронено в Александро-Невской лавре Петербурга. Стихотворение Тютчева было написано в конце июня того же года и впервые опубликовано в журнале «Современник», 1854. Поэтов связывали многолетние дружеские и творческие отношения. Тютчев высоко ценил талант старшего собрата, в стихотворении «На юбилей князя Вяземского» он ставит имя Жуковского рядом с двумя другими «незабвенно-дорогими» — Карамзиным и Пушкиным.

Стихотворение, состоящее из четырех октав, проникнуто высоким одическим пафосом, подобающим надгробному слову поэта-христианина. В первой октаве создается масштабный образ «вечера жизни» Жуковского. Он характеризуется *тишиной*, *ясностью* и *теплотой*, а прощальные лучи поэта *грели* и *сияли*. Схожий образ был употреблен самим Жуковским по отношению к смерти Пушкина: «Солнце русской поэзии закатилось». Тютчев благодарно как бы возвращает ему это выражение, говорящее о любви и признательности.

Во второй октаве Тютчев вспоминает о встрече с Жуковским в Германии в 1847, во время которой последний читал ему свой перевод «Одиссеи». В письме к жене поэт с величайшей благодарностью вспоминал эти минуты, называя возникающее произведение «величественным и прекрасным творением», которое разбудило в нем «давно уже уснувшую способность полного и искреннего приобщения к чисто литературному наслаждению». Древнегреческий эпос определяется Тютчевым как «Цветущие и радужные были / Младенческих первоначальных лет...». В этом метафорическом образе сказалось отношение как к памятнику античной литературы, так и к самому Жуковскому, начало дружбы с которым было положено в 1818, когда пятнадцатилетний поэт с отцом навестили его в Чудовом монастыре. Завершается вторая октава космическим образом звезд, *сводивших* на были *таинственный* и *сумрачный* свет. Звезды и звездный свет в поэтике европейского романтизма являются символами глубинного познания. Их свет, почиющий на последнем крупном произведении Жуковского, означает как завершенность и неподвластность человеческому суду его личной судьбы, так и масштабность всего явления поэта в целом.

В третьей октаве Тютчев использует образ голубя, который еще при жизни Жуковского зачастую становился его условным обозначением. В поэзии Тютчева присутствует своего рода классификация птиц как символы определенных типов человеческих характеров, в какой-то мере восходящая к урокам его наставника С. Раича. Среди них — орлы, лебеди, голуби и даже «вран, терзающий титана» (Байрон). Голубь является символом чистоты и кротости. Эти качества души позволили Жуковскому прожить *стройную* жизнь, цельную в своей завершенности. По мнению Тютчева, единство жизни и песни и создало неповторимость личности ушедшего классика:

Он стройно жил, он стройно пел...

Жуковский определял идеальное состояние поэта как «жизнь и поэзия одно», из стихотворения Тютчева явствует, что этот идеал был вполне им достигнут. Три первые октавы завершаются многоточиями, которые усиливают интонацию размышления, в целом характерную для этого произведения. Тютчев от лица младшего поколения подводит итог жизни одного из величайших русских поэтов. Для передачи высокого строя жизни Жуковского используются образы света.

В четвертой октаве говорится о духовном завещании поэта, основным содержанием которого является «...души высокий строй, / Создавший жизнь его, проникший лиру...».

Жизненный путь поэта, сохранившего верность идеалам молодости, приравнивается к *подвигу*. В этой же октаве поэт противопоставляет светлую и завершённую в добре личность Жуковского *взволнованному миру*, к которому относит и себя и от лица которого выступает. Поэтому вопросы Тютчева: «Поймет ли мир, оценит ли его? / Достойны ль мы священного залога?» — звучат отнюдь не риторически и несомненно являются вопрошанием собственной души.

К. Пигарев сравнивает вопросы, звучащие в конце стихотворения «Памяти Жуковского», с теми, которыми начинается посвящённый памяти Пушкина текст «29-ое января 1837». По его мнению, вопросы первого стихотворения имеют более камерный, личный характер, так как текст не предназначен для произнесения вслух, а является раздумьем про себя у гроба близкого человека. Завершается текст одной из тех евангельских реминисценций, которые Тютчев охотно употреблял в стихотворных некрологах 1850–70-х. Стихотворение написано пятистопным ямбом; рифмовка перекрестная с меняющимся порядком женских и мужских рифм.